

Участников предстоящего сплава было двое.

Игорь — жизнерадостный тридцатилетний любитель лесных и прочих приключений. Обычный парень, выросший в тайге, в небольшом колымском поселке, среднего роста, подтянутый и ловкий. Его работа — оперуполномоченный СОБРа — к полноте не располагала.

Жорка — коренной магаданец, городской житель. По профессии — программист. Но совершенно нетипичный для этой виртуальной братии. Азартный и умелый охотник. Невысокий, сухощавый, со спины можно за подростка принять, жилистый и выносливый, как непальский шерпа*. Повеса и любимчик женщин, наделенный просто неотразимым обаянием. Этакий слегка повзрослевший домовенок Кузя с озорной мальчишеской улыбкой на веснушчатом лице. И по жизни — существо уникальное. Не поймешь: то ли редкий неудачник, то ли исключительный везунчик. Вечно попадает в самые разные непонятки, но при этом всегда умудряется выпутаться из них без особых потерь для организма и репутации.

Игорь и познакомился-то с ним, выручая из одной такой вот передрыги. Местный «авторитет» решил отобрать у Жорки его честно заработанный «Фольксваген», в качестве основного аргумента тыча автовладельцу пистолетом в живот. Но интеллигентный программист тогда о-очень удивил и негодяя, и вмешавшихся в ситуацию оперов своим нетипичным для «терпил» поведением. Пока собровцы расшвыривали на бетон подельников бандита, Жорка успел резко зарядить тому в челюсть крепким кулаком да еще и сплясать победный индейский танец прямо на пузе поверженного врага. Со временем Игорь убедился, что его приятель и сам всегда готов помочь друзьям в любое время дня и ночи. И в крутых переделках никогда не сдрейфит.

Лодку взяли Жоркину. Оранжевая ЛАС-5 (лодка аварийно-спасательная). Корабль! Крейсер в мире резиновых надувашек! Тяжелая, но очень разворотливая, но вместительная и удобная. С надувными банками, защищающими задницы путешественников от валунов на перекатах. А главное — прочная и надежная, как вся продукция советской оборонки. Жорка, дамский угодник, нежно называл ее Ласточкой, и она ни разу не подводила его во множестве совместных приключений.

* Шерпа — представитель народности, живущей в Восточном Непале, в районе горы Джомолунгма, а также в Индии.

Вооружились каждый на свой вкус. У Жорки МЦ 20-01, легкая гладкоствольная магазинка — двадцатка. Резкая, точная, экономичная. К ней — полный патронташ самозарядных «латунок» с дробью и пулями, залитыми парафином. Игорь с иронией относился к этому дедовскому способу заряжать патроны. Но Жорка уверял, что парафин придает дроби совершенно фантастическую кучность. У самого Игоря — ТОЗ-34 ЕР — великолепная советская вертикалка, двенадцатый калибр. Солидная вещь! А еще он, слегка злоупотребив положением, прихватил с собой со службы ПП-90. Забавная вещица этот пистолет-пулемет. В сложенном виде превращается в неказистую железяку, похожую на домкрат из японской иномарки. А развернешь — строчит, словно швейная машинка. Правда, для тайги «пэпэш-ка» — вещь беспонтовая, под пистолетный «макаровский» патрон. Но больно уж хотелось перед приятелем порисоваться.

Для сплава выбрали лососевую Армань, несущую свои быстрые прозрачные, играющие всеми оттенками горного кварца воды к студеному и могучему Охотскому морю.

Места там красивейшие, словами не передать. Особенно в середине сентября. Сопки буйствуют такими красками, будто сам Сальвадор Дали в последний день своей безумной жизни решил распылить на них свою сумасшедшую палитру. От светло-желтого цвета до глубочайшего фиолетового, вперемешку с алым и зеленым, голубым и вишневым, черным и оранжевым в самых немыслимых сочетаниях. Это «цветут» мелкие зубчатые листочки уходящей в зиму карликовой березки и глянцево-кожистые листья рододендронов, пушистый стланик и оранжевые от бесчисленных ягод рябины, брусничные поля и плантации голубики, мшистые болотца с россыпью огоньков клюквы, черных бусинок шикши и желейных мини-солнышек морошки...

По реке — стаи всевозможных уток. Под лодкой — целеустремленно прут на нерест косяки кеты и горбуши, лови на выбор: «серебряночку» поцелее — на ушицу, битую-крашеную с созревшей икрой — на бутерброд-пятиминутку. Ступишь на берег — в березняке по берегам пересвистываются непуганые рябчики. Из-под самых ног срываются табунки куропадок, а то и жирующие на голубичнике глухари. Каменные осыпи сопок штрихами своих троп расчертили снежные бараны. К реке выходят набитые копытами спуски северных оленей. Эти места так и называются: Первый Олений спуск, Второй, Третий... Но и волчьи следы здесь нередки, и рысьи. А косолапые хозяева тайги босыми отпечатками и раскрашенным ягодой пометом вообще повсюду наследили. К ходу лосося на реку подтягиваются не только местные Потапычи, но и со всей округи, за десятки километров.

Накануне сплавщикам удалось провести своего рода репетицию. Вырвались в пятницу с работы пораньше, чтобы зайти немного вверх по течению и отработать заход на зимовье, которое стоит ближе к устью реки. Добротное такое рубленое сооружение, с баней. Но попасть к нему со сплава не очень просто. На подходе к месту прижимаешь лодку поближе к летящему мимо обрывистому правому берегу и внимательно смотришь вперед на два «носа». Левый — это угол тополевого леса, правый — каменистый мыс. Как «носы» коснулись друг друга, резко табанишь правым веслом, бьешь левым, и лодка сама влетает в тихую неглубокую заводь. По ней метров пятьдесят до удобного покатога спуска. Еще немного пешочком в сопку по узкому тоннелю из стланика, березок и рябин, и вот он — очаг уюта, общего мира и колымского братства. Но не дай бог промахнуться! Против стремительного течения выгрести и вернуться назад здесь невозможно. Лодка пролетит пулей добрый километр, а то и два (кто их мерил!?) вдоль скальных прижимов. А потом, кое-как зацепившись за берег, придется карабкаться по крутым щебни-

стым осыпам — вверх к дороге. И пыхтеть до зимовья со всем бутором, оружием, лодкой, рыбой и дичью.

Но тренировка прошла удачно. Жорка сидел на носу, изображая стрелка-наблюдателя. Игорь работал веслами. В протоку влетели — пулей в яблочко! Миллиметровщики! Красавцы! Теперь можно было и расслабиться. И даже поболтать с внезапно обнаружившимся собеседником. На галечном мыске между протокой и рекой сидел мужик в старенькой пушистой искусственной шубе. Одежка сия была явно женского покроя, но необъятная, как постовой тулуп. Видимо, щедрая дарительница была дама что надо! Обладатель лохматого раритета уютно устроился на стволе топляка и чистил рыбу, доставая ее из битком набитого рюкзака.

Как водится, расспросили, на что нынче рыба хорошо берет. Хотя и так ясно было, на что же еще: мальма сейчас с рассвета икру, вымытую с нерестилищ, под перекатами ловит, хариус тоже. Вечерком за комарами-мошками начнут прыгать, аж плесы закипят. Тут уж не зевай, цепляй мушки — и вперед. Но так уж хорошо на душе было, и мужик такой добродушный, обстоятельный, грех не пообщаться. Славно, что ему нынче повезло с рыбалкой. Но будет и на нашей улице праздник!

Напарники блаженствовали. В субботу с раннего утра их закинул вверх по течению, насколько смог добраться, бортовой ГАЗ-66. А смог он хорошо. Так что теперь, к вечеру воскресенья, уже приходилось и поторапливаться. Но лень было не то что веслами шевелить, даже разговаривать перестали. Наохотились до треска в ушах. Нарыбачились до опупения. Кровь, насыщенная кислородом, ушей, а также рябчиками с брусникой и умеренной дозой хорошей водки, неспешно текла по счастливым организмам. «Ласточка» тоже уже не скользила осенним листком по хрустальным струям реки, а шла, как балкер-сухогруз с железной рудой — погрузившись по ватерлинию и потеряв остатки маневренности. Немудрено: рюкзак с рыбой, рюкзак с дичью, палатка, спальники, два сплавщика со своим арсеналом...

— Ты бы поглядывал уже-е. Острово-ок прошли, скоро прото-ока, — томно протянул Жорка, расположившийся на носу лодки в обнимку со своей ружбайкой.

— Да вижу-у, — в тон ему пропел Игорь. Покряхтывая, растолкал в стороны тяжеленные рюкзаки, сделал пространство посвободнее для затекших ног. Взглянул плотнее за весла. — Ты держись давай, а то протабану резко — слетишь, испу-паешься.

Вообще-то, с горной рекой никогда нельзя расслабляться. Какими бы невинными ни были с виду перебаты, в какие роскошные плесы ни разливалась бы вода под ними — всегда можно прозевать момент, когда она начинает ускоряться. Незаметненько-незаметненько — и вот ты уже летишь по бурунам, будто верхом на понесшем жеребце! Жорка прижался плотней к носу лодки, чтобы не застить Игорю свет. А тот с предельной собранностью, отрешившись от всего, как перед командой «Атака!», впился глазами в стремительно приближающиеся «носы»...

Табань! Ударь! Есть!

Игорь бросил весла и, зажмурившись, словно довольный кот, потянулся. Господи! Хорошо-то как!

— ЙОПТЬ!!! — отчетливо донеслось с носа лодки.

И почти синхронно, совсем рядом...

Многие из северян слышали этот звук. Но изобразить его не каждый сможет. Очень сложно передать. Ну разве что... представьте себе, уважаемый читатель, что в глухой колымской тайге, в гулких осенних сумерках, кто-то рыкнул вам в ухо голосом похмельного Генерала из «Особенностей национальной охоты»:

— Р-РЯВ!

Игорь открыл глаза. Хотя очень захотелось зажмуриться еще сильнее.

На мыске, на месте давешнего рыбака, толстым задом на бревне, раскинув ноги как человек, сидел медведь.

Здоровенный. Сытый. Пузатый. Редкого золотисто-соломенного цвета. Его и без того пушистая, а сейчас еще и вздыбленная шерсть сияла в багровых всполохах уходящего в сопки солнца. И это делало зверя не только еще более громадным, а вообще каким-то нереальным, мистическим чудовищем, привидением червонного золота.

Медвежий Бог!

В метре от Жорки и оранжевого носа надувной (надувной!!!) лодки!

— РЯВ! — опять подал голос медведь. Но не злобно. А как-то досадливо. Со всем по-человечески. Вроде как: «Ну че надо? Че приперлись?!»

Но отвечать было некому.

Все это — фигня, про неодолимое течение!

«Ласточка» уже снова была на стрежне. Жилистые руки Игоря бешено работали дюралю. Весла вращались, как два пропеллера на взлете. Вверх, конечно, лодка не помчалась, но и вниз ее не сносило. Стояла на месте, приподнявшись над бурунами и бешено танцуя на белых барашках. Глиссер в обмороке, блин!

Озадаченный медведь легко развернул свою задницу к протоке, а морду — к реке. И опять оказался совсем рядом со сплавщиками. Метров пять — максимум. Один прыжок! Это в сказках медведи — увальни. В жизни — за его движениями глазом не уследишь. Дернуться не успеешь. И мощь его такова, что, прошитый пулями, с разорванным сердцем, может еще десятки метров отмахать, чтобы поквитаться с обидчиками. Так что не нужно его злить! А рассчитывать, что Жоркина двадцаточка одним выстрелом его напрочь завалит — тем более.

Привычный к экстриму мозг Игоря выбросил на язык четкие, как в бою, команды:

— Пули! Не стреляй! Блиско!

Жорка эхом отозвался:

— Ща!

Дернул из патронташа пулевые патроны. Кляцнул затвором. Но слишком резко! От удара долго ждавшая ИМЕННО ЭТОГО МГНОВЕНИЯ парафиновая пробка вылетела из латунки. Дробь раскатилась. Двадцатку заклинило.

Развеселая Жоркина звезда снова подмигнула с далекой орбиты своему непутевому любимцу.

— ОЙЙОПТЬ!

— Чо?

— Клинь!

Игорь поддал веслами, стараясь ни на мгновение не терять зверя из виду.

А тот, задумчиво глядя на всю эту суету, вдруг покачал головой влево-вправо, вроде как: «Ну-ну?»

«Все понимает, сволочь! Сейчас прикалываться начнет, «факи» на когтях показывать», — с нервной внутренней усмешкой подумал Игорь.

Но тут смешно быть перестало.

Зверь соскользнул с бревна на самый край мыска и весь подобрался, словно готовясь к прыжку.

— Весла держи!

Жорка отшвырнул бесполезную магазинку. Схватился за весла. Неудобно, козяво, от себя. Но замолотил так, что лодка и в самом деле против течения пошла!

Игорь выхватил из чехла пэпэшку. Развернул мгновенно. Щелк затвором! А двадцать пилюль в лохматую рожу не хочешь?!

И вдруг услышал спокойное:

— Брось пукалку.

Наконец-то включился тот самый Жорка-второй, который у черта из зубов способен выскочить.

Игорь кивнул коротко. Пэпэшку — на рюкзак. Тозик — в руки. Клац-щелк! Пулю — в нижний, картечь-девятку — в верхний. Еще два картечных — в пальцах под спусковой скобой. Накоротке — похлеще пули будет.

— Шугануть?

До зверя — уже метров десять. В один прыжок не достанет. Можно рискнуть.

— Давай!

БАХ! — шарахнул в зенит тозик.

Перезарядка мгновенная! Стволы в зверя!

А НЕТУ!..

Зверя нету.

Легкой тенью, привидением невесомым, трехметровой пушинкой проплыл за мысок над тальником, карликовыми березками.

Как и не было никогда.

Привиделось. Поблазнилось.

— Ушел?

— Хзна!

Жорка выдыхался. «Ласточка» стала медленно сползать вниз. Нужно было что-то решать.

— Ладно, давай, — кивнул Игорь.

Удар веслами. Протока.

— Уф-ф... — падая грудью на рюкзаки, выдохнул Жорка.

— РЯВ! — ответили рядом, за кустом.

Снова лодка на стрежне. Снова — бешеная пена из-под весел.

Дежавю.

— Давай еще раз!

Игорь повел стволами по щепнистому склону сопки за коварными кустами.

БАХ!

«Ти-у-у-у», — злобно заверещала картечь в рикошетах.

— Р-Р-Я-АВ! — прозвучало в ответ.

Но теперь вслед за обиженным медвежьим голосом послышался удаляющийся треск веток. А чуть погода — перестук и шуршание каменной осыпи.

— Все. Сдох, — в два приема сообщил Жорка.

— Я не в него бил!

— Я. Сдох.

И «Ласточка» в третий раз влетела в протоку.

Где вы? Где вы — белые ночи Колымы? Куда ушли, где растаяли?

В быстро наступившей осенней темноте, сквозь строй трехметрового стланика и смутно белеющих березок, по каменистой натопанной тропе ползло черное, бесформенное чудище.

Сплавщики, спереди и сзади обвешанные огромными рюкзаками, медленно шли, прижавшись боком друг к другу и ошестинившись стволами на обе стороны тропы. Пока укладывали барахло, нервно шарахаясь от каждого

шороха в кустах, Жорка успел перебраться свою двадцатку, и теперь оба были вооружены.

Но оба и понимали, что ни отреагировать как-то, ни выстрелить точно, решишь медведь атаковать, — ни один не сумеет. Узкий коридорчик-то. Не увидишь даже. Лапу из-за дерева протянет, когтями подцепит — и пожалуйте к столу. Но все же хоть какая-то защита. Пока мишка с одним разбираться будет, может быть, второй пальнуть успеет.

У Игоря на груди был рюкзак с дичью. Остро воняло мокрым пером и свежей кровью. Сзади, из-за ушей, из второго рюкзака несло рыбой.

«Блин, не рюкзаки, а приманка сплошная! — думалось тоскливо. — Хорошо Жорке. У него — лодка, палатка, барахло всякое. Медведю на фиг не надо. Хотя, если сграбастает меня лохматый, может, сначала за рюкзаки возьмется. На хрена я ему, костлявый, жилистый, потный. Водку пил... Ему ведь тоже вредно. А в рюкзаках вкуснотища всякая. Только и надежда — на них да на Жорку!»

«Хорошо Игорехе! — балансируя между сложенной «Ласточкой» и мешком с палаткой, думал Жорка. — В рюкзаках жратва всякая. Есть чем зверюгу отвлечь. А у меня — одна резина да брезент. Сразу гад за меня возьмется. Если что, нужно башку между рюкзаками втянуть. Как черепаха. Главное — хоть минуту продержаться. А там Игореха разберется, он друга не бросит».

Два сердца одинаково гулко барабанили в ночи и бешено гнали кровь, перенасыщенную адреналином. Пот заливал глаза. И тянулась-тянулась тропинка, бесконечная для этих двоих.

Но вот мелькнула в десяти шагах полоска света. Заскрипели могучие дверные петли на крепко сбитой двери.

— Привет сплавщикам, — пробасил чей-то голос.

Зимовье! Пришли!

В избушке собралась теплая компания. Рыбаки, охотинспектор, водила из госпромхоза. Никто не напрягался, никто никому не мешал. Колыма — страна маленькая. Все друг друга знают. У всех законы таежного братства — в крови. На жердяных нарах еще два спальника легло. И за уже накрытым столом вновь прибывшим место нашлось.

Ушица свежайшая, от одного запаха голова кружится. В закопченных эмалированных кружках водочка прозрачная.

Всем интересно, что за стрельбу приятели рядом с зимовьем устроили. Но никто не тормозит. Пусть сначала люди перекусят, отдохнут чуток.

Минут через двадцать напарники — сытые, захмелевшие не столько от водки, сколько от еды, — наконец расслабились на тесаной лавке. Неспешно дохлебывая юшку, Игорь сообщил народу:

— В протоке на босяка напоролись. На мыске сидел. Здоровый.

— Не желтый? — это охотинспектор поинтересовался.

— Ага. Никогда такого не видел. Золотой прямо.

— Завалили?

— Да не, в воздух стреляли, он смирно себя вел.

— А зачем валить? Тебе что, протоколов не хватает? — озорно сморщив нос, подмигнул Жорка инспектору.

— Много я вас тут за них напротоколил? — беззлобно отмахнулся тот. — Этот «смирный» вчера сенокосчикам лодку и палатку в лохмы порвал и самих на деревья загнал. Если бы мы случайно не подъехали, одного бы точно с березы снял. Так что, кто увидит, валите, пока он беды не наделал.

— Нифигасе! Так мы еще легко отделались, — покачав головой, сказал напарнику Жорка. И по этому случаю подлил в кружки еще «по писят».

Тут у Игоря в голове наконец разомкнулись какие-то контактики. И он задал приятелю вопрос, давно крутившийся у него на языке.

— Слышь, стрелок-наблюдатель хренов! А как так получилось, что мы ему чуть лодкой в пузо не въехали? Ну я — понятно, на веслах был, мне по сторонам тарашиться некогда. А ты его как прозевал?

Жорка неспешно вытянул водку из кружки, сопровождал ее кусочком нежнейшего, разварившегося в ухе гольца, довольно потянулся и ответил со своей вечно безмятежной улыбкой:

— Да видел я его. Смотрю: опять на мыске МУЖИК В ШУБЕ сидит, наверное, снова рыбу чистит...

